К КРИТИКЕ ФОРМУЛИРОВКИ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ

В.Е. Лёвкин

Развивая идеи Леонтьева, связывая их с идеями Бернштейна и Лурии, а также критикуя Рубинштейна, Гальперин приходит к выводу, что при всей разработанности деятельностного подхода по существу же ничего не изменилось – как была пропасть между сознанием (переживанием) и деятельностью, так она и осталась. Гальперин попытался найти действительное их единство через преодоление дихотомии внешнего и внутреннего.

По Гальперину, сознание, психика есть ничто иное, как определенным образом организованная часть внешней деятельности, а именно *ориентировочная деятельность*. Отсюда и предмет психологии – это ориентировочная часть внешне-практической деятельности. Т.е. психическое, по своей природе, у Гальперина есть внешнее и только внешнее, столь же объективно организованное как и внешняя предметно-практическая деятельность. Следовательно, психология с такой постановкой предмета своего исследования становится действительно объективной наукой.

Однако вновь возникает вопрос «Сеченова-Бернштейна»: а что является источником деятельности, активности?

Если психика – это внешнее, то и источник ее активности должен быть внешним. Тогда источником активности можно предположить внешние условия, проблемные ситуации, «задачи», которые по объективным причинно-следственным связям управляют ходом ориентировочной деятельности, а значит психики. При этом пропадает вообще понятие свободы воли, а, следовательно, и категория субъекта. А раз пропадает категория *субъекта* (нет его больше, есть только внешняя деятельность), то пропадает и категория *смысла*

(как значение для субъекта, по Леонтьеву). Если исчезает субъект, то исчезает и категория *цели*, а значит и сама *деятельность* как «целенаправленно организованная активность» теряет онтологический статус – перестает быть. Получается, чтобы говорить о деятельности необходим субъект, а его при внешнем источнике активности нет.

Попробуем зайти с другой стороны. Что, если попытаться сохранить категории субъекта, активности и цели, и при этом внешний характер психики? Тогда видим, что психика как внешняя ориентировочная деятельность (и значит имеющая источник активности вовне) целепологается внешне расположенным субъектом. Поскольку этот субъект не может быть локализован (это приведет нас к фаталистической теологии), то мы в конечном итоге получаем всеобщую целесообразность, «мировую волю» Шопенгауэра. При такой постановке вопроса весьма трудно говорить о научной объективности. Из столь затруднительного методологического положения можно попытаться выбраться, избавившись от категории цели. И тогда мы получим не мировую волю, а общую систему причинно-следственных связей, если назвать эту систему субъектом, то в результате придем не просто к фаталистической теологии, но еще и бог у нас будет мертвый. Науки здесь тоже нет.

Попробуем иначе. Вернемся на два шага назад и предположим, что при внешнем характере психики, тем не менее источник ее активности может быть внутренним. А что может быть внутри у человека, если его психика снаружи? Ясное дело – физиология. Вся совокупность физиологических процессов в форме потребностей и представляет собой в таком случае источник активности. Если завершить рассуждение на этом этапе и представить этот источник активности как субъект, то субъект у нас получается в стиле Декартовой «машины», только можно еще добавить (учитывая исследования Бернштейна и Лурии), что эта машина будет программируемой. Получили объективный кибернетический механицизм, где живое существо активно борется за выживание, но не «зачем-то» или «для чего-то», а «потому что» таковы объективные

законы природы. По существу, при таком раскладе нет никакой свободы воли, а, следовательно, подлинной активности. А значит и субъект только номинальный, на самом деле его нет, есть только генетические программы, развивающиеся во времени и имеющие в своем развернутом виде кроме других деятельностей еще и психику, т.е. ориентировочную деятельность. При таком взгляде мы обнаруживаем все тот же старый как мир «психофизиологический параллелизм», только еще и «пассивный» - следует добавить. И эта веточка рассуждений ни к чему хорошему нас не привела.

Однако примеров рассуждений достаточно, чтобы сделать важный, хотя и промежуточный, вывод о том, что источник активности человека и субъект, обладающий свободой воли, должны пониматься как одно и то же.

Вернемся на полшага назад и пойдем по другому пути. Предположим, как и в предыдущем случае, что при внешнем характере психики источник ее активности может быть внутренним, но на этот раз не будем физиологию называть субъектом, а попробуем пройти дальше.

Итак, мы имеем физиологические потребности (внутренние) и внешнюю психику (ориентировочную деятельность). П.Я. Гальперин мог, конечно, в формулировке предмета психологии избежать дихотомии внешнего-внутреннего (не делить на переживание-деятельность), но, рассматривая человека как биологический организм никак нельзя избежать «внутренностей». Основной вопрос наших рассуждений: где здесь источник активности, то есть субъект, обладающий свободой воли?

Можно, разумеется, вспомнить концепцию всеобщего детерминизма, которая в приложении к психике может пониматься как концепция культурной детерминации, где все содержание психики определяется культурой и только ею, и тогда категория *смысла* ничем не отличается от категории *выгоды*. Но это довольно старая теория, и В. Франкль мог бы обоснованно возразить, – а как быть с тем, что человек часто действует не по выгоде, и более того, в самых чудовищных условиях способен выбирать, и выбирает то, что совершен-

но противоречит идее физического выживания. Сторонники культурного пандетерминизма могут ответить, что такое поведение действительно противоречит идее физического выживания, но зато полностью соответствует идее выживания культуры, ее ценностей. Однако следует заметить, что при таком раскладе в очередной раз пропадает *индивид* как *субъект* и субъектом фактически нарекается *культура*. Т.е. признавая отсутствие свободы воли, мы теряем и субъекта, признаем источник активности вовне, а это уже раньше привело нас к концепциям «мертвого бога» и «объективного кибернетического механицизма».

Но как же можно объяснить предполагаемое одновременное наличие свободы воли (читай субъекта) и внешней природы психики?

По П.Я. Гальперину, «воля – это тоже особая форма ориентировки субъекта, в таких положениях, где ни интеллектуальной, ни аффективной оценки уже недостаточно. Воля ... представляет собой новый способ решения задач об общем направлении своего поведения в особых, своеобразных и специфически человеческих ситуациях». *Чувства* Гальперин объясняет как *ориентировочную деятельность* через категорию *оценки* («появление чувства означает резкое изменение оценки ситуации»), а *волю* как, по существу, новый выбор линии поведения. Таким образом, по Гальперину, воля есть психический феномен и, следовательно, является такой же именно внешней деятельностью как интеллектуальная или аффективная. А поскольку в предыдущих рассуждениях мы связали волю и субъект, то субъект по Гальперину, во всяком случае в аспекте воли, располагается «вовне», а «внутри» он представлен физиологическими основаниями психики. Так что же, получается, что психика внешняя, а субъект наполовину внешний, наполовину внутренний, и при этом свобода воли субъекта располагается как раз во внешней его половине?

Но где граница раздела между внутренним и внешним в индивиде? Ведь, как известно из работ Леонтьева, Бернштейна и Лурии физиологические процессы высших функций формируются в деятельности (внешней по Гальперину

ну), значит, граница раздела должна проходить между безусловными и условными механизмами функциональных систем вообще. Но и безусловность физиологических механизмов не однозначна. Из тех же работ известных исследователей видно, что низшие, казалось бы полностью автоматизированные действия, даже при органических поражениях, могут быть восстановлены новой постановкой задач действия (Бернштейн). Известно и то, что чем выше статус процесса (от автоматизмов к активности) тем менее локализован физиологический аппарат поддержки этого процесса (Лурия). Очевидно, логика «половинчатого субъекта» приводит к фантастическому представлению об индивиде, его психике и субъекте, который наполовину внутренний индивид, а наполовину внешняя психика.

Но, что особенно интересно, если исключить эту половинчатость, то психика окажется снова бесплатным приложением к физиологии и мы, в который раз, получим «проклятый параллелизм» или «физиологический редукционизм» (не говоря уже о «религиозном монадологизме»).

Подводя итог нашим рассуждениям о концепции П.Я. Гальперина, о психике как внешней деятельности – можно заключить, что данная концепция не выдерживает проверки категориальным аппаратом и, снимая противоречие в формулировке предмета психологической науки, создает еще большее противоречие в понимании природы субъекта и его активности. Получается, либо концепция П.Я. Гальперина неверна, либо высший категориальный аппарат психологической науки требует серьезной проработки, либо и то, и другое. Однозначно, что эти вопросы не могут быть сведены к теоретической психологии, и не являются предметом философии, следовательно, должны рассматриваться на стыке этих областей – в области, которую, вслед за Леонтьевым, можно считать областью философии психологии. Таким образом, вопрос о предмете психологии (вне отождествления с внутренним, как в интроспекционизме, или отождествления с внешним, как у П.Я. Гальперина) остается открытым.